НОВАЯ ГАЗЕТА

СЮЖЕТЫ • ОБЩЕСТВО

Формуляр любви

Стимулирование рождаемости всегда ведет к обратным результатам, и чем щедрее господдержка, тем ситуация хуже

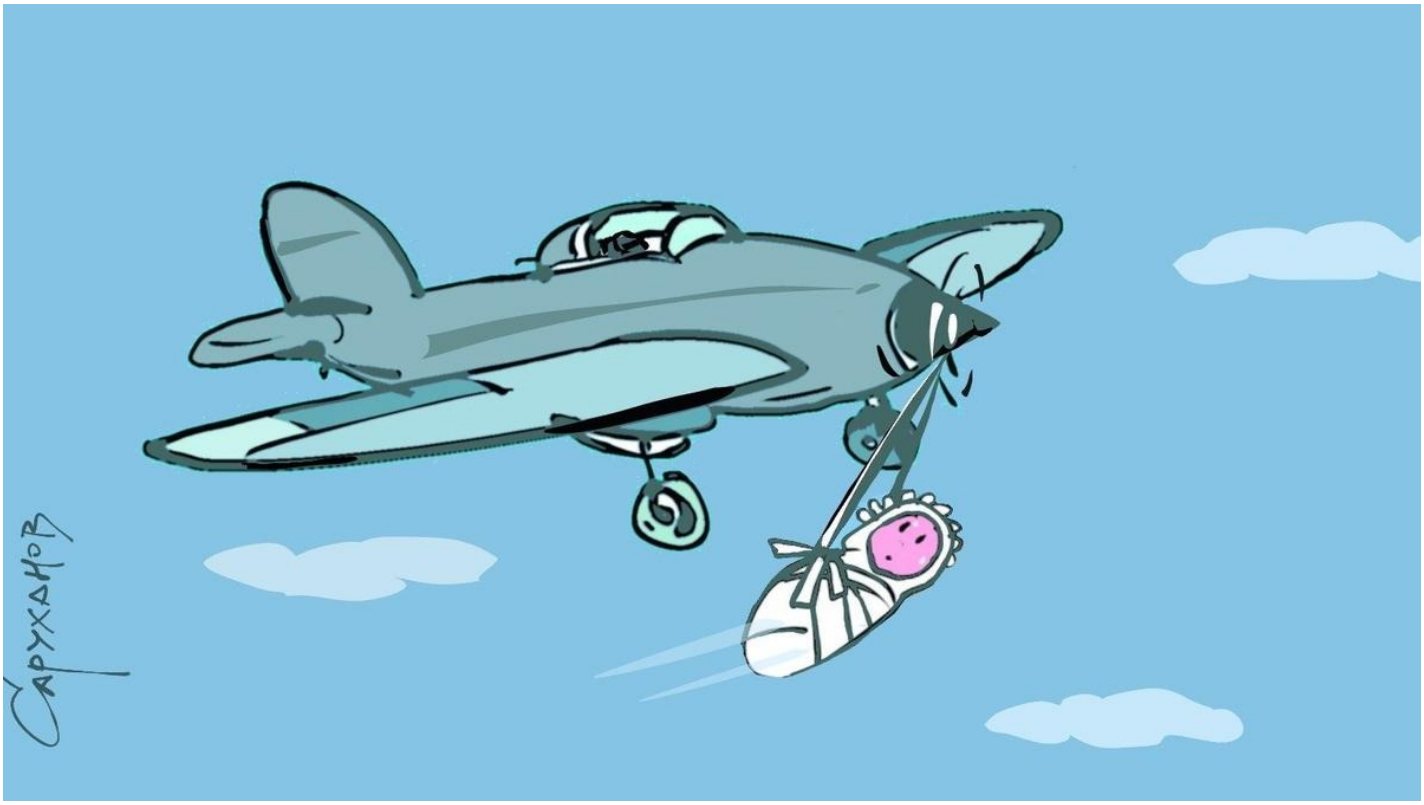

Иллюстрация: Петр Саруханов / «Новая газета»

15:23, 5 сентября 2025,

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать по этой ссылке или отсканировав QR-код ⟶

Молодые супруги откладывают решение о ребенке месяц за месяцем. Ясли стоят дорого, квартира в ипотеке, работа требует полной отдачи. Государство видит проблему и протягивает руку помощи — льготы, пособия, программы поддержки.

Логика кажется безупречной: устранить препятствия — и люди, естественно, захотят детей. Больше денег — больше рождений.

Но жизнь подчиняется иной логике. За 70 лет человечество поставило масштабный эксперимент — от сталинских премий за многодетность до современных европейских программ. Результат парадоксален: чем щедрее государственная поддержка, тем стремительнее падает рождаемость. Это не случайность и не исключение — это закономерность, которая повторяется в разных странах и эпохах, словно семья сопротивляется попыткам ею управлять.

2025 год внес коррективы в эту картину. Южная Корея впервые за девять лет показала рост — с 0,72 до 0,75 детей на женщину. Китай зафиксировал увеличение рождений с 9,02 до 9,54 миллиона за год. Означает ли это победу над демографическими законами?

Протоиерей Андрей Кордочкин* в статье «Зачем фашистам дети» недавно исследовал крайний случай — политику нацистских режимов. Обладая безграничной властью и ресурсами, они потерпели сокрушительное поражение в битве за рождаемость. Их опыт открывает нечто фундаментальное о природе семьи — там, где встречаются законы общественной физики и непостижимая тайна человеческого выбора.

Четыре измерения семейной реальности

Почему рушатся самые продуманные демографические программы? Семья существует одновременно в нескольких реальностях, и попытка понять ее через одну призму

неизбежно искажает картину.

Представьте общество как физическую систему. Готовность людей создавать семьи ведет себя как температура — уровень внутренней социальной энергии. Свобода выбора — как объем газа в сосуде. Государственное давление — как внешнее сжатие. Что происходит с газом под давлением в замкнутой емкости? Он нагревается, стремясь вырваться. Точно так же

> энергия, которая могла бы направиться на семейное творчество, перенаправляется на сопротивление принуждению. Пряник начинает пожирать того, кого призван накормить.

Валерий Ракин продемонстрировал удивительные параллели между физическими и социальными процессами, предложив социальное уравнение состояния по аналогии с формулой идеального газа: политическое давление, объем свободы и социальная температура связаны универсальной закономерностью. Когда система подвергается одновременно «нагреву» стимулами и «сжатию» требованиями, она входит в режим энтропии — хаотических флуктуаций, где предсказуемые результаты становятся невозможными.

Но физические аналогии проясняют лишь механику сопротивления — почему система реагирует на давление хаосом. За механикой скрывается нечто более глубокое.

Валерий Ильин показал, как демографические процессы напоминают диссипативные структуры — системы, которые потребляют энергию извне, но создают внутренний порядок через самоорганизацию.

Семья живет и в смысловом измерении. Дети рождаются не от калькуляции выгод, а от переполненности бытием, когда жизнь ищет продолжения в другой жизни. Это акт дарения, а не торговая сделка. Превратить деторождение в выполнение плана — значит разрушить саму возможность дарить.

Фото: Zuma \ TASS

Каждая семейная политика неизбежно встречается с личной историей. Итальянец 1910 года рождения к моменту призывов Муссолини уже пережил смерти близких, безработицу, неопределенность. Когда власть призывает рожать «для империи», эти слова проходят через фильтр утрат и звучат совсем не так, как задумывал дуче.

Параллельно меняется сама культура семьи. В аграрном обществе дети были экономической необходимостью — рабочие руки, поддержка в старости. Сегодня они превратились в эмоциональный проект с туманными перспективами.

Административное мышление улавливает только экономическую поверхность и неизбежно терпит поражение. Семья требует многоуровневого понимания — одновременно физического, смыслового, биографического и культурного. Эти измерения не существуют по отдельности, а сплавляются в живую ткань семейного выбора.

Здесь кроется

> глубинная проблема современной демографической политики: она пытается воздействовать на семью как на экономическую единицу, не понимая ее онтологической природы.

Семья принадлежит особому порядку существования, где действуют не только законы рынка, но и логика любви, не только расчет пользы, но и дарение себя другому. Попытка свести этот порядок к административным схемам подобна попытке измерить поэзию линейкой — инструмент не соответствует природе объекта.

Анатомия флуктуации: от Кореи до Венгрии

Новые данные 2025 года не опровергают эту закономерность, а углубляют ее понимание. Корейский рост с 0,72 до 0,75 детей на женщину сопровождается всплеском браков на 14,9% — крупнейшим с 1970 года. Статистическое управление Кореи связывает это с тремя факторами: демографической волной (больше женщин 30 лет), отложенными после пандемии свадьбами и ростом позитивного отношения к браку.

Китай фиксирует 9,54 миллиона рождений против 9,02

миллиона в прошлом году — первый рост за семь лет. Кажется, административная машина наконец заработала? Но стоит присмотреться внимательнее. Корейские демографы предупреждают: даже если рождаемость стабилизируется, число новорожденных будет падать — в детородный возраст входят крайне малочисленные поколения. Это не рост системы, а ее временная флуктуация — случайное колебание параметров.

Фото: Liu Wenhua / China News Service / VC

Китай демонстрирует еще более яркое противоречие: рост рождений происходит на фоне сокращения общего населения на 1,39 миллиона человек. Смертность растет быстрее рождаемости. Система дает краткосрочный отклик, но фундаментальная траектория не меняется.

А венгерский случай развеивает иллюзии окончательно. Несмотря на одну из самых щедрых семейных программ в мире,

рождаемость рухнула с 1,51 до 1,38 за один год. Семьи с тремя детьми почти не платят подоходный налог, программа CSOK предоставляет щедрые жилищные субсидии, но эффект оказался обратным.

События 2025 года не опровергают закономерность, а демонстрируют новое понимание:

> принуждение создает не устойчивые изменения, а непредсказуемые колебания.

Семейные процессы оказываются чувствительными к случайным возмущениям сильнее, чем к логическим стимулам. Система откликается на воздействие, но совсем не так, как рассчитывают планировщики.

Физика любви и логика принуждения

Почему семейные системы поддаются математическому описанию? Современные исследования выявляют удивительные закономерности.

Демографические процессы напоминают системы, которые потребляют энергию извне, но создают внутренний порядок. Подобно тому, как города поглощают ресурсы и производят отходы, снижая собственную энтропию через самоорганизацию, семьи тратят материальные и эмоциональные ресурсы, но создают новый тип порядка — преемственность поколений.

Однако семья сопротивляется физическим аналогиям там, где включается человеческая непредсказуемость. Исследования 2024 года документируют новый феномен — future anxiety, экзистенциальную тревогу о будущем, которая влияет на репродуктивные решения сильнее материальных факторов.

92,7% людей сообщают о тревоге, связанной с искусственным интеллектом.

Климатические изменения формируют «генерационную временную перспективу» — молодые откладывают детей не из-за нехватки денег, а из-за сомнений в самом будущем человечества.

> Голландские исследователи, анализируя спонтанные нарративы женщин, обнаружили удивительное: неопределенность в семейных планах имеет рациональный характер.

Но эта рациональность включает экзистенциальные соображения, не поддающиеся экономическому моделированию. Получается, что семья одновременно подчиняется физическим закономерностям и ускользает от них. Термодинамические принципы объясняют, почему принуждение вызывает энтропию — хаос в системе. Но куда направится этот хаос, определяют факторы более тонкие — страхи, надежды, поиск смысла. Эффективная семейная политика должна учитывать обе реальности, не сводя сложное к простому.

Биографии против статистики

Может ли личная история опровергнуть статистические закономерности? Каждое семейное решение пропускается через призму индивидуального опыта, и здесь обнаруживается удивительная вещь: люди действуют не так, как предсказывают модели. Новые методы исследования — веб-календари жизненной истории, нейронный анализ спонтанных рассказов о планах — показывают, как большая статистика преломляется

в судьбах конкретных людей. Netherlands Interdisciplinary Demographic Institute разрабатывает технологии конфиденциального изучения репродуктивного поведения. Max Planck Institute создает международную школу по интеграции цифровой демографии с изучением личных нарративов.

Фото: AP / TASS

И вот что обнаруживается: индивидуальные истории часто противоречат массовым тенденциям. 67% канадских отцов, активно помогавших с первенцем, не хотят второго ребенка: узнав реальную цену современного родительства, они теряют энтузиазм.

Справедливое распределение домашних обязанностей само по себе не решает главного вопроса: стоит ли вообще становиться родителями в нынешних условиях?

Еще более тревожная закономерность —

> исследования показывают межпоколенческую передачу принуждения: дети, пережившие давление в семье, в два раза чаще воспроизводят подобные модели во взрослом возрасте. Принуждение оказывается саморепродуцирующейся системой.

Где проходит грань между поддержкой и принуждением? Биографический подход не отменяет статистику, но показывает ее внутреннюю механику. Семейная политика должна учитывать не только массовые тенденции, но и пути их формирования через личные истории. Принуждение порождает принуждение — этот закон работает и на уровне государства, и внутри семей.

Единственный успех: уроки американского чуда

Почему американский беби-бум 1946–1964 годов остается единственным примером устойчивого роста рождаемости в развитом мире? Новые исследования раскрывают неожиданную истину: ключевую роль сыграла не пропаганда, а жилищная революция.

Программы FHA и VA привели к трем миллионам дополнительных рождений через доступную ипотеку. Современная схема кредитования с низкими взносами радикально повысила доступность домовладения для молодых семей. 96,4% женщин и 94,1% мужчин того поколения поженились — самый высокий показатель в истории. Но вот удивительное открытие: беби-бум начался не после войны, а в конце 1930-х — как реакция на затяжной кризис. Это было не следствие государственной политики, а результат уникального стечения обстоятельств: технологический прорыв,

экономический подъем и эффект отложенного спроса после депрессии.

Можно ли повторить чудо? Современные попытки показывают скромные результаты.

Польская программа «500+» — ежемесячные выплаты на второго и последующих детей — дала временный всплеск рождаемости в 2017 году. Венгерская CSOK предоставляет льготные кредиты на покупку жилья в зависимости от числа детей, но не увеличила долю третьих рождений. Азиатские программы единовременных выплат при рождении ребенка имеют слабые долгосрочные эффекты.

Американский опыт учит не конкретным мерам, а принципу:

> успешна политика, которая создает условия возможности, не принуждая к конкретным решениям. Жилищная доступность, экономический оптимизм и культурная согласованность оказались важнее прямых стимулов. Но повторить эту алхимию административным решением невозможно

— она требует стечения исторических обстоятельств, неподвластных планированию.

Когда принуждение убивает любовь

Что показывает опыт авторитарных режимов с их мобилизационными возможностями?

Нацистская Германия и фашистская Италия, сосредоточив

огромные ресурсы на демографических программах, потерпели поражение в этой войне.

Протоиерей Андрей Кордочкин анализирует механизмы итальянского провала: милитаризованная экономика поглощала средства (к 1933 году выплаты матерям снизились втрое), пропаганда не доходила до масс, режим не смог долгосрочно финансировать обещания. Виктория де Грация показывает, как семейная жизнь превратилась в «мучительные калькуляции», а материнство стало «исключительно трудным предприятием».

Но есть более глубокая причина провала. Исследовательница Лиза Пайн обнаружила фундаментальное противоречие:

> режимы провозглашали культ многодетной матери, но мобилизовывали женщин в военную экономику. Семья превратилась из цели в средство.

Фото: uma \ TASS

Швейцарские исследователи Томас Будин и Роберт Штельтер доказали, что нацистская семейная политика снизила рождаемость среди немецких женщин за счет более ранних и менее устойчивых браков. Под общественным давлением люди вступали в незрелые браки с неподходящими партнерами, что увеличивало количество разводов и снижало рождаемость.

Герберт Циглер делает принципиальный вывод: никакие стимулы не смогли преодолеть базовые сдвиги — новую роль женщин, доступность контрацепции, превращение размера семьи в личный выбор. Здесь обнажается глубокая истина. Любовь по природе иррациональна и требует свободы не как внешнего условия, а как способа существования. Попытка регулировать чувство административными методами разрушает его изнутри. Дети рождаются из любви — к партнеру, к жизни, к будущему. Превратить этот интимный акт в исполнение гражданского долга — значит уничтожить его источник. Принуждение к любви убивает саму любовь.

Новая реальность семейного выбора

Что означают события 2025 года для понимания семьи? Семейные решения подвержены случайным колебаниям — флуктуациям, которые невозможно контролировать административно.

Корейский подъем, китайские всплески, венгерский спад — все это вариации одной темы. Системы балансируют вокруг нового равновесного состояния городских обществ с низкой рождаемостью, периодически отклоняясь в ту или иную сторону без видимых причин.

Означает ли это хаос? Напротив, флуктуации отражают более сложную логику, где экономические факторы конкурируют с экзистенциальными, рациональные расчеты — с иррациональными порывами, массовые тенденции — с индивидуальными историями.

Future anxiety — тревога о будущем — оказывается сильнее материальных стимулов. Беспокойство о климате, искусственном интеллекте, будущем человечества формирует репродуктивные решения новых поколений. Традиционные демографические модели не улавливают этого фактора, потому что он лежит в области смысла, а не расчета.

> Семья эволюционировала от экономического института к экзистенциальному проекту.

Современная демографическая политика должна адресовать не только материальную безопасность, но и поиск смысла, создавая среду, где семейные решения принимаются в контексте надежды, а не страха.

Пределы планирования

Семья живет по законам, ускользающим от рационального планирования. Это пространство иррациональных сил — любви, надежды, интуитивной веры в будущее. Власть может создавать условия для «переполнения семьи жизнью» — снижать барьеры, расширять горизонты, культивировать оптимизм.

Но само переполнение не планируется. Оно приходит или не приходит по законам более тонким, чем экономические формулы. Корейский рост 2025 года — напоминание о том, что семейные процессы следуют логике более сложной, чем административные схемы. Задача мудрой политики — научиться работать с этой сложностью, не пытаясь ее упростить.

Возможно, в этом и состоит урок нашего времени. XXI век может стать эпохой, когда человечество научится поддерживать семью, не посягая на ее внутреннюю тайну. Не потому, что она примитивна, а потому что принадлежит более глубокому порядку. Реальности. Там, где пряник кормит, не пытаясь проглотить того, кого кормит.

Алексей Семенов-Труайя, социолог

* Минюст РФ считает «иноагентом».